

С первыми мартовскими днями неприметный старик со снежно-белой бородкой выходил из четырёхэтажного дома № 1 по улице Фейгина на раскисшие улицы Владимира и бродил по сырому тротуару, совершенно уйдя в себя. В эти начальные весенние дни воспоминания особенно сильно волновали его душу.

Случайные прохожие сторонились, давая задумавшемуся старичку дорогу, и тут же забывали о нём. Ах, если бы они знали, что за старик повстречался сейчас на их пути! А ведь это был Василий Витальевич Шульгин – русский националист и монархист, яркий политический и общественный деятель, писатель, публицист, депутат Государственной думы трёх созывов, один из организаторов и идеологов Белого движения. Тот самый Шульгин, который в марте 1917 года принимал отречение последнего императора России Николая II...

– Поехали в Смоленск! Не пожалеешь! – подбивал меня интересный человек Игорь Макаров. Известный историк-балканист, журналист, писатель, сагитировавший меня однажды таким же вот образом на поездку в Косово как раз в тот момент, когда Косово отделялось от Сербии, и нам с трудом удалось выбраться оттуда; в девяностые Игорь слыл монархистом, но потом остыл к этому делу и увлёкся Балканами. – Поехали, там живёт брат соседа Василия Шульгина, и он обещал подарить мне его шарф.

Брат соседа... его шарф... монархист Шульгин... У меня всё это как-то не укладывалось в сознании, и Игорь нетерпеливо растолковывал:

– Ну, как же, Шульгин после отсидки во Владимирском центре поселился тут же, во Владимире. На Фейгина, один. А в соседнем подъезде жила семья Коншиных, и младший из братьев Коншиных как-то особенно подружился с Шульгиным, видимо, он чем-то понравился старику, да и помогал ему. И Шульгин подарил ему шарф. Сейчас он живёт в Смоленске...

– А ты-то с ним как познакомился?

– Да очень просто, поехал во Владимир искать материалы о Шульгине, нашёл дом, квартиру. Но там уже какая-то посторонняя женщина жила. Сказала, что ничего про Шульгина не знает. Тут какой-то старичок вышел из подъезда и сказал, что в соседнем подъезде живут люди, которые с Шульгиным общались.

Ну, я к ним пришёл, а они сидят, водку пьют... Вот и познакомился. Как раз в это время младший брат – Николай Сергеевич – приехал из Смоленска старшего навестить. Вот младшему – Нико-

лаю – Шульгин и подарил шарф. Мы поговорили, и он сказал: приезжай ко мне в Смоленск, я тебе шарф Шульгина отдам на память, у меня ещё другие его вещи есть. Я с ним недавно созванивался, он подтвердил про шарф и обещал рассказать кое-что... Поехали?

– Поедем, но только как-нибудь позже, сейчас не могу – дел очень много...

Бикфордов шнур

К роковому марту семнадцатого Василий Шульгин имел за плечами службу в армии, работу в сельском хозяйстве и зерновой торговле; он писал приключенческий роман и публицистические статьи, участвовал в усмирении еврейских погромов и был почётным мировым судьёй и земским гласным, депутатом трёх Дум и сторонником Петра Столыпина, был приговорён судом к тюремному заключению сроком на три месяца, от «отсидки» которого его спасла лишь депутатская неприкосновенность. Он ушёл добровольцем на Первую мировую и был ранен в атаке под Перемышлем.

Худощавый, несколько даже интеллигентски-субтильный, он не выглядел жёстким человеком. Однако не зря думские противники прозвали его «Очковая змея», а Пуришкевич написал на него эпиграмму: *«Твой голос тих, и вид твой робок, но чёрт сидит в тебе, Шульгин. Бикфордов шнур ты тех коробок, где заключён пироксилин».*

Поэтому нет ничего удивительного в том, что именно он отправился с лидером партии «Союз 17 октября» Гучковым в Псков, на переговоры с Николаем II. Шульгин искренне считал выходом из ситуации конституционную монархию во главе с наследником Алексеем при регентстве брата царя – великого князя Михаила Александровича. Ни Гучков, ни Шульгин не представляли тогда, что поджигают бикфордов шнур, что Россия вот-вот взорвётся...

Второго марта Шульгин и Гучков, четыре дня не мытые и не бритые (как вспоминал позже сам Шульгин, *«с лицом каторжанина, выпущенного из только что сожжённых тюрем»*), явились к царю. Их вид вызвал гнев свиты, из-за чего между Шульгиным и ортодоксальными монархистами возникла вражда, длившаяся долгие годы. Графиня Брасова написала, что Шульгин *«нарочно не брился ...и ...надел самый грязный пиджак... когда ехал к Царю, чтобы резче подчеркнуть своё издевательство над ним».*

Однако Шульгину с Гучковым ни в чём убеждать Николая не пришлось. Решение об отречении было уже принято. Даже привезённый ими проект акта об отречении не понадобился. Император сообщил, что у него есть его собственная редакция, которую он подписал и передал представителям Думы.

Выйдя из вагона, где проходили переговоры, Гучков патетически крикнул в толпу: *«Русские люди, обнажите головы, перекреститесь, помолитесь Богу... Государь император ради спасения России снял с себя своё царское служение. Россия вступает на новый путь!»*

Брат Михаил, в пользу которого отрёкся император, понимая, что опереться ему совершенно не на кого, в свою очередь, тоже отречётся. Шульгин и тут примет участие...

В Смоленск мы тогда так и не собрались. То одно, то другое – жизнь катилась колесом, дни мелькали и мелькали, унося нас из прошлого в будущее, и всё казалось – успеется.

Самое обидное то, что несколько лет спустя через Смоленск мне довелось проехать по пути в Белоруссию, но я не вспомнил ни о Шульгине, ни о его шарфе; Игорь вновь путешествовал по своим Балканам, и некому было мне напомнить...

А когда подкатила дата – 140 лет со дня рождения Василия Шульгина и мы спохватились, оказалось, что Николай Сергеевич Коншин скончался.

– Нужно всё-таки ехать во Владимир, вдруг кто-то что-то ещё помнит, может, старшего брата найдём, и он что-то про шарф знает, – Игорь звонил мне едва ли не через день. И мы, позвав с собой истового саровского писателя-краеведа Ивана Ситникова, поехали.

«Байгуши»

Естественно, первым делом отправились искать могилу Шульгина. Сельское кладбище Байгуши, где похоронен последний истовый монархист России, расположилось на пологом склоне в десятке километрах от Владимира, и нашли мы его без труда. А вот сама могила... Если не знать хотя бы

примерно о её местоположении, можно долго плутать в поисках среди заброшенных захоронений. Забора вокруг кладбища нет, кругом мусор и запустенье, покосившиеся кресты и надгробья... Однако перед отъездом я побродил по интернету и примерно представлял себе, как искать.

– Не найдём, – переживал Макаров, – как тут найти, тут целый день искать надо...

Однако вот мы у чёрного каменного креста с надписью «Василий Витальевич Шульгин. 13/1 1878 – 15/2 1976».

Сказать, что могилу никто не навещает, нельзя; искусственные цветы, икона с подложенной под ней надписью «От киевлян» в файл-пакете, подметено... И всё же общее впечатление от кладбища остаётся довольно тягостное.

На обратной стороне креста внизу, у самого основания, инициалы – «Н.К.» и «И.Г.». «И.Г.» – понятно, Илья Глазунов, художник не раз навещал Шульгина во Владимире, а «Н.К.»?

– Это Николай Коншин, конечно, – уверенно заключил Игорь.

Постояли над могилой, помолчали. Говорят, хоронило Василия Викторовича всего человек десять. Если не считать наблюдавших из «газика», стоящего неподалёку, кагэбешников...

– Смотрите-ка, – Иван Ситников сделал два шага в сторону и остановился у соседней могилы. – Какое символичное соседство!

На ржавой пирамидке со звездой на макушке фото красноармейца в будёновке.

Да уж, в этом соседстве, можно сказать, вся наша история за последние сто лет. Ярый монархист Василий Витальевич Шульгин и советский красноармеец Алексей Григорьевич Воробьёв – антагонисты, лютые враги, каждый хотел своей России, а упокоились рядом, на одном сельском кладбище. Время если и не примирило их, то уравнило.

Владимирский централ

С кладбища отправились во Владимирский централ. Вроде бы был там неплохой музей, где мы надеялись получить кой-какую информацию. Но дальше КПП тюрьмы прапорщица-контрактница нас не пустила:

– Музей закрыт!

– На ремонт?

– Нет, совсем закрыт...

Тюрьма, в которой сидел Василий Шульгин, сегодня выглядит, естественно, совсем не так, какой была в то время. Построенная по указу Екатерины II ещё в 1783 году, она после революции 1905 года получила ставшее общеизвестным название Владимирский централ. В двадцатых годах прошлого века играла роль губернского специзолятора для «политзеков», а в 1948 вошла в систему особых лагерей и тюрем для содержания особо опасных государственных преступников – шпионов, диверсантов, троцкистов, меньшевиков, эсеров и белоэмигрантов.

Сейчас на весёленьком голубом фасаде административного корпуса висит красная доска с надписью «Федеральное казённое учреждение Тюрьма №2».

Шульгин отсидел здесь ни много ни мало – двенадцать лет из присуждённых двадцати пяти. «Соседи» у него, надо сказать, были люди хоть и разношёрстные, но не простые: философ Даниил Андреев и князь Долгоруков, большевик Таиров и сионист Мордехай Дубин, генералы вермахта и японские самураи... За ворота Владимирского централа он вышел по амнистии в 1956 году.

Сначала его вместе с женой поселили в доме престарелых в Гороховце, но позже выделили однокомнатную квартиру во Владимире.

Побродив вокруг обшарпанных кирпичных стен узилища, мы отправились искать улицу Фейгина.

– Никому ничего не надо! – негодуя, бурчал Макаров. – Тут такие люди сидели! И вот – закрыли музей! Кому мешал, почему, зачем скрывать информацию?! Я, кстати, был в Сербии в Дубровнике, где жил Шульгин, но и там ничего не осталось, связанного с ним, всё уничтожено...

Улица Фейгина, 1

Обычную четырёхэтажную хрущёвку мы нашли без труда. И сразу же увидели на торце здания памятную доску с белым барельефом по тёмному мрамору: «В этом доме с 1960 по 1976 гг. жил

выдающийся общественный и политический деятель Василий Витальевич Шульгин». И чуть ниже его факсимиле.

Невольно подумалось: к семьдесят шестому мне исполнилось двадцать лет, и я уже увлекался журналистикой. Мог бы приехать сюда и... И – что? О чём бы я, советский «девственный» в политическом смысле паренёк, стал бы говорить с этим «врагом Советской власти»? Сейчас-то я знал, о чём бы его спросить...

На подъездной двери кодовый замок. Подёргали ручку – заперто. Потыкали в кнопки – никто не ответил. Заглянули в окна (квартира Шульгина на первом этаже) – никого.

Не удалось найти и бывших соседей Шульгина. Ниточка оборвалась.

Поспрашивали прохожих. Шульгин? А кто это?..

Мы брели по владимирским застроенным хрущёвками и сталинками улочкам, и Игорь вспоминал, о чём ему рассказывал Николай Коншин.

– Из его рассказов я понял, что Шульгин вообще не был забыт современниками. Другое дело, что говорить, а тем более писать об этом было не принято. Но к «врагу советской власти» приезжали люди разного толка и настроений. Посещали его Илья Глазунов и Мстислав Растропович (говорят, Растропович стоял перед ним на коленях и целовал его руки), Лев Никулин – тот самый, что написал потом книгу, на основе которой сняли фильм «Операция «Трест». И хотя фильм этот Шульгин назвал насквозь лживым, суть дела была в нём передана верно: советские спецслужбы «переиграли» Шульгина, подсунув ему несуществующие антисоветские организации во время его нелегального путешествия по СССР. После этого Шульгин «ушёл в отставку», практически перестав заниматься политикой...

Особенно много желающих познакомиться с живой легендой стало после 1965 года, когда состоялась премьера документально-постановочного фильма «Перед судом истории», в котором Шульгин «играл» самого себя. Главную цель фильма снимавший его режиссёр Ф. Эрмлер сформулировал так: «Я хочу, чтобы он сказал всем: я проиграл». Шульгин не сказал; мало того, результат получился столь двусмысленным, что, «покрутив» фильм в Москве и Ленинграде всего два или три дня, его с проката сняли. Несгибаемый монархист на экране выглядел явно сильнее своего оппонента – советского историка.

Шульгин – депутат Государственной думы

Вещие сны

Сегодня о нём известно всё. Или почти всё. Однако одна сторона его натуры, затенённая его бурной политической деятельностью, осталась как бы «за скобками».

Илья Глазунов, навещавший Шульгина после отсидки в Централье, писал, что, по его сведениям, с 1966 года до самой своей кончины Шульгин вёл дневник под названием «Мистика». Рукопись эту Николай Коншин сохранил, а позже передал художнику, который опубликовал её часть в 2002 году в журнале «Наш современник».

Шульгин действительно был своего рода мистиком, романтиком непознанного; он живо интересовался загадочными явлениями человеческой психики, собирал «антологию таинственных случаев», записывал всё необычное или странное, что происходило с ним или с его родными и знакомы-

ми, был знаком с оккультистами Г. Гурджиевым, А. Сакко, С. Тухолкой и, говорят, до конца дней увлекался спиритизмом.

После освобождения из Владимирского централа Шульгин завёл привычку – записывать содержание своих снов. Говорят, тетрадей с записями его снов скопилось несколько чемоданов.

Впрочем, странные сны приходили к Шульгину задолго до «советского периода»; вот только известно об этом немного. Да и, видимо, бурная и опасная деятельность не давала ему времени на прислушивание к снам и их расшифровку. А вот во время «отсидки» во Владимирском центре времени было более чем достаточно, и он фиксировал в памяти всё необычное.

Например, рассказывая об одном из антисоветских деятелей Троицком, о котором его спросили на допросе, Шульгин писал: *«Если мне дали двадцать пять лет, то ему надо было дать сорок, а он получил двадцать. Но он умер раньше срока»*. И ещё: *«Когда об этом Троицком и об очной ставке с ним шла речь, мне приснился вещий сон. Из моего рукава вылезла змея до половины, затем она сломалась»*. Шульгин не мог знать, что «змея» действительно «сломалась» у Троицкого, осуждённого в июле 1950 года, в сентябре этого же года расстреляли...

В ночь на пятое марта 1953 года заключённому Шульгину приснился сон: *«Пал великопленный конь, пал на задние ноги, опираясь передними о землю, которую он залил кровью»*. Вначале он решил, что сон связан с годовщиной смерти Александра II, и только потом узнал, что в этот день умер Сталин.

К снам Шульгин относился серьёзно, можно сказать, трепетно; анализировал их и пытался выявить зашифрованные в них послания. И не важно, касалось ли это серьёзной политики или банального быта. Он мог подробно описать сон о Ленине и Сталине, но не забывал и сна о... твороге: *«Сны, декабрь 1968. Не помню числа. Марийка несла куда-то большую тарелку с горкой чего-то белого. Это был творог, ею самой приготовленный. При жизни она иногда, когда была еще здорова, бедняжка, любила с этим возиться»*.

Во сне я увидел, что полная тарелка для нее слишком тяжела, и она творог уронит. Я успел подскочить и выхватить у нее тарелку, и ничего не рассыпалось. И она была этому рада.

Этот с виду пустяковый сон имеет свой смысл. Сейчас Дом творчества в Голицыне дает нам слишком много творога. Этот сон предупредительный. Не объедаться творогом, это мне вредно...»

И тут же сон совсем другого рода: *«Мне поручили составить письмо-меморандум для одной державы. Я это сделал. И тогда ко мне пришел один наглец из какой-то «разведки». Сначала хотел письмо выкрасть, а потом отнять силой. Хотя я не боксер, но, вырвав у него письмо, которое он захватил, засунул его в карман и решил колотить его в подбородок обоими кулаками, пока он не упадет. В это время появилась Марийка, очень встревоженная. Закричала:*

– Это твое письмо? Ты писал?

– Я. Я написал. Но поскольку оно написано для одной державы, оно уже ей принадлежит!

Проснулся. О какой державе я имел речь? О Советской державе. Написано оно для Советов, но не по-советски, а по-моему. Другими словами, это меморандум о том, как надо выйти из теперешнего безысходного на вид положения».

А вот сон о Хрущеве: *«Где-то... может быть, в Белграде... Как будто в подворотне, но скорей всего, у витрины, я увидел Никиту Сергеевичу Хрущева, скончавшегося в прошлом году. Я его видел во сне и раньше, но те сны были невразумительны. А сегодняшний сон ясен. Не по смыслу, а потому, что он запечатлелся в моей памяти точно.*

Встретившись у витрины, мы пошли с ним рядом. Он спросил:

– Скоро выборы. Вы будете выбираться?

– Нет. Зачем? Я вот просидел все пять лет, а не сказал ни слова.

– А что же вы будете делать?

– Буду писать.

– Пишите. Но помните одно. Если вы хотите, чтобы вас напечатали, то все дело в сионистах.

Хвалите их, хвалите в каждой строчке – и все напечатают».

Впрочем, довольно подробно о снах этого периода рассказал писатель Николай Лисовой, бывший хорошим знакомым Шульгина. Лисовой рассказывает и ещё одну странную историю, связанную со снами и с Шульгиным: *«Года через три после смерти он (Шульгин – авт.) приснился моей сестре С. Н. Безбоковой и сказал:*

– *Передайте Николаю Николаевичу (пишущему настоящие строки (т.е. – Лисовому – авт.), что у этой книги конца нет... Что он хотел сказать?»*

Сотрудники музея «Владимирский централ» утверждали (есть об этом упоминание в одном из федеральных СМИ), что имеется двести тетрадей с описанием снов Шульгина и приводят в пример вещий сон, в котором императрица предсказала ему скорое освобождение...

Думаю, если когда-нибудь будут собраны все мистические озарения Василия Шульгина, описание его снов и предсказаний (а он предсказывал, что СССР рано или поздно падёт), и изданы книгой, издание это не залежится на полках книжных магазинов.

В паутине противоречий

Странно всё-таки это – сплошные противоречия в судьбе: убеждённый, искренний монархист уговаривает императора отречься от престола, яркий националист, беззаветно любящий Россию, надеялся на освобождение от коммунистов. Ненавидя советскую власть, он считал, что страна должна пройти этот путь до конца, как через огонь, который очистит её.

Наверное, не случайно освобождение ему во сне предсказала именно императрица, ведь всю жизнь Шульгина не оставляли мысли об оценке своего участия в отречении Николая II.

Кем он был – участником или соучастником?

Очевидно, он чувствовал мистическую связь с последним русским монархом: *«С Царем и с Царицей моя жизнь будет связана до последних дней моих, хотя они где-то в ином мире, а я продолжаю жить – в этом. И эта связь не уменьшается с течением времени. Наоборот, она растет с каждым годом. И сейчас, в 1966 году, эта связанность как будто достигла своего предела... Каждый человек в бывшей России, если подумает о последнем русском Царе Николае II, непременно, припомнит и меня, Шульгина. И обратно. Если кто знакомится со мной, то неизбежно в его уме появится тень монарха, который вручил мне отречение от престола 50 лет тому назад».*

Конечно, он находил себе оправданье: *«Да, я принял отречение для того, чтобы Царя не убили, как Павла I, Петра III, Александра II-го... Но Николая II все же убили! И потому, и потому я осужден: Мне не удалось спасти Царя, Царицу, их детей и родственников. Не удалось! Точно я завернут в свиток из колючей проволоки, которая ранит меня при каждом к ней прикосновении».*

И признавал: *«Мы запутались в паутине, сотканной из трагических противоречий нашего века...»*

* * *

На обратном пути мы остановились в сосновом перелеске, что бежал вдоль трассы Владимир–Муром. Ситников достал бутылку перцовки. Разлил по стаканчикам. Помолчал, потом произнёс:

– Упокой, Господи, душу раба Твоего Василия Витальевича Шульгина.

Выпили. Потом ехали и спорили о роли личности в истории.

А что тут спорить: чтобы сыграть роль в истории, нужно быть личностью! Шульгин при всех его противоречиях – личность!

– А как же шарф? – вспомнил Ситников.

– Буду звонить в Смоленск, – упрямится Игорь, – а вдруг родственники в курсе! Может, он ещё найдётся, шарф. Это же не просто шарф, а шарф Шульгина! Не может он просто так взять и пропасть...

